

ПЕРСОНА

С женой Лидией Алексеевной.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

С техникой он не в ладах. Даже видеокассету в магнитофон ему внук вставляет. В компьютере ничего не смыслит. И свет в квартире чинит жена. Он — гуманитарий, человек увлеченный, творческий... Зато он лучше всех знает, как любить по-русски!
Евгению Матвееву исполнилось 79 лет. Может, оттого, что он родился в женский день, у него особое отношение к женщинам и особое их понимание, хотя мужского в нем предостаточно, даже чересчур. Неистовости, мужества, выносливости и, пожалуй, красоты. В прошлом веке многие женщины считали его секс-символом.

— Что же в данном случае унижает наше достоинство? Экстремальные условия?

— То, КАК. Эротика — вещь прекрасная. Я дважды бегал в Париже в музей Родена. Постоять хотя бы 10—15 минут у скульптуры "Ускользящая любовь". Два обнаженных тела друг на друге. Белый мрамор, холодный, казалось бы, а излучает такое тепло, что люди стоят, как возле иконы. Я сам чувствовал музыку, космическую. Я видел себя красивым, сильным, благородным. Вот это эротика.

В моем первом режиссерском опусе "Цыган" идут казаки по берегу Дона, оглянулись: эх, мужиков нет, раздеваются и — в воду. И никто не говорит, что это стыдно, потому что есть очарование. Женщина — действительно чудо. Я часто сам себя цитирую: "Я женщину хочу ставить на пьедестал в своих фильмах". Чуть-чуть повыше уровня земли, для того чтобы ни один человек мимо не проходил. Ведь это — женщина! Мою мать унизили, оскорбили — отец ее бросил, и мы вернулись в глухую деревню. А дед не мог простить, что она вышла замуж без венчания. Хотя был образованный человек, маму мы с Лидой научили читать и писать. Потом уже, в Москве. Она всю жизнь терпела. Прижила меня к груди и плакала, этого никогда никто не видел, только я. Гордая была. А каких женщин посылала мне жизни! В учителя, в наставники, в подруги. Потом Бог послал Лиду.

— Если бы у вас была одна только Лидя, вы бы женщин так хорошо знать не могли. Может, это, конечно, некорректный вопрос, но наверняка у вас были и другие женщины?

— Я такой откровенности не позволяю себе, но было бы глупо, если бы я сказал, что не влюблялся. Было бы глупо, если бы сказал, что моя жена не влюблялась. Представь себе, жена однажды мне говорит: "Женя, помоги мне перейти на другую работу". Я говорю: "Влюбилась?" Она: "Не могу сказать, что влюбилась, но мне там трудно". И я догадался, что человек очень активно ухаживал. Она хороша была просто немислимо. Это такая Русь! Сложена божественно. Голос... Не пошла ни на эстраду, никуда, все бросила ради семьи, чтобы дети были ухожены, чтобы я был ухожен. Вдумайся только — она борется со своим чувством. Она пришла и сказала.

А со мной как было! Влюбился я, казалось, ну просто голова кругом. Вот опять, что такое достоинство и что такое любовь. И Лидя говорит: "Женя, ты влюбился?" Я говорю: "Лидя, да". Она говорит: "Уходи, не мучай нас и себя". И я ушел. Но не к той женщине, которая мне голову вскружила, а к товарищу. И жил у него две недели. И дал себе слово не видеть ни Лиду, ни ту. Остать. Я чувствую — угар. Голову под кран — водка — голову под кран и так далее. Потом взял чемодан и поехал домой.

Звоню, открывает она дверь, и у нее голова перевязана жгутом — нелегко ей было. А я стою с чемоданом. Она говорит: "Чего стоишь? Или туда, или сюда". Я вошел. "Завтракал или нет?" — "Нет". Мама в слезы. Дочка заметалась — папа приехал из командировки. После этого прошло, наверное, лет тридцать пять, она ни разу мне не напомнила. Вот силища-то! Ну как мне не преклоняться? Да если бы не она, меня бы давно или бы убили, или еще что-нибудь. Я мог и в драку ввязаться... Сколько раз она меня спасала не нравоучением — терпением.

Часто спрашивают: вы хотели бы повторить жизнь, что-то изменить? Я стал задумываться. И мне делается страшно. Просто кошмарство. Если бы не было войны, я бы не встретил Лиду. Я не хотел бы ничего изменить, но я и не хочу войны...

— Вернемся немножко назад. Вы сказали, что читаете Евангелие по ночам.

— Зачитываюсь. Научился брать оттуда то, что делает меня сильнее. Я крещеный. Мама мне сказала. И все равно не понимаю, что это такое, хотя недавно крестил в церкви ребенка очень близкого мне человека. Выполнял все, что полагается делать. Это не значит, что я верю в Бога: где он там, я не знаю...

За других просил, за себя — никогда. Даже будучи партийным секретарем Малого театра, зарплату получал незаслуженно маленькую и всегда вычеркивал свою фамилию из списков на премию или повышение зарплаты. Неудобно. Стыдно секретарю прибавлять себе зарплату. Даже персональную пенсию республиканского значения не оформлял, пока за него это не сделали другие. "Я не буду писать заявление, — говорил, — раз положено — давайте. А заявление писать — все равно что просить: дайте мне орден, дайте мне звание". "И тут с вами проблемы", — вздыхала председатель месткома и писала сама...

— Как вы считаете, в жизни важную роль играет везение или человек должен всего добиваться сам?

— Смотря в каких случаях. Недавно смотрел матч "Спартак"—"Бавария". Наши лучше играли. Просто не повезло.

Сейчас специально для меня пишут сценарий по заказу телевидения. Я уже читал заявку. Потрясающе. Это первый раз в жизни — под меня пишут роль. Я не просил. Подарок преподнесли. Предлагали и снимать, но я сказал, что режиссурой заниматься больше не буду. Дело даже не в возрасте. Физически не могу. Это же надо много бегать, мотаться, отдаваться. Не могу — одышка. Сам себе сказал: все. А вот роль для актера — конечно, везение.

Я с юности мечтал о Макаре Нагульнове. И вдруг Иванов приступает к организации "Поднятой целины". Я был уверен, что меня пригласят. И вдруг проходит месяц, второй, меня не приглашают. Ты думаешь, я сказал кому-нибудь? Нет. Страдал невыносимо. Как не заметили? Мне казалось, у меня на лбу написано, что я Нагульнов. И вдруг мне предлагают роль Давыдова. Мне казалось, вонзился нож из-за угла в спину. Какой Давыдов? Я люблю эту, а вы меня заставляете жениться на другой. А на Нагульнова был уже утвержден Сергей Владимирович Лукьянов. Но раз у меня уже как бы был аванс — Давыдов, я обратился к режиссеру: "Александр Гаврилович, мучаюсь, поймите — я "беременен" Нагульновым. Дайте мне хотя бы пробу сыграть. Я "рожу", а потом "забеременею" Давыдовым". Вот тут попросил. Он дал мне полсмены, и я был утвержден. Но скольким я тогда перешел дорогу!

— Вы можете сказать, что это роль вашей жизни?

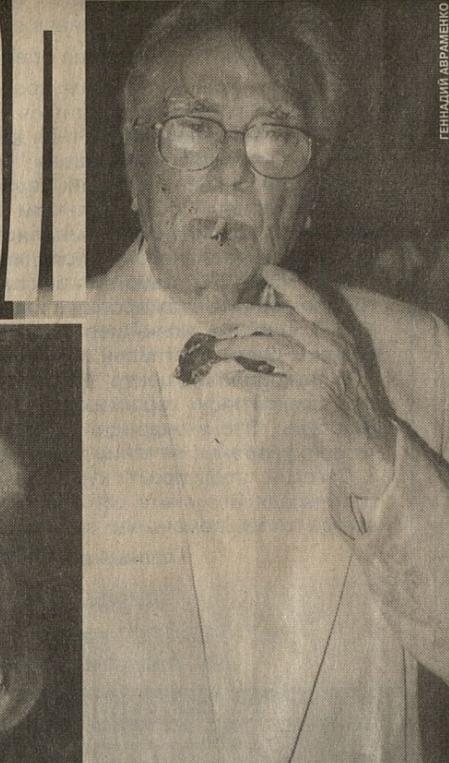
— Но никто ничего ярче пока не написал. Конечно, она наиболее соответствует моему ощущению юмора, народности, человеческой страсти, развития характера в движении. Сейчас таких нет. Ни людей, ни ролей...

Наташа ЖУРАВЛЕВА.

СЕКС-СИМВОЛ

Кадр из кинофильма "Родная кровь".

ГЕНЕРАЛИЙ АБРАМЧЕНКО

БОРИС СЕМЕНОВ

На съемочной площадке картины "Любить по-русски".

ПРОШЛОГО ВЕКА

Евгений Семенович, жена не обижается на вас, когда ей приходится выполнять неженскую работу по дому? Свет чинить или еще что-нибудь в этом духе?

— Нет. Лидия Алексеевна удивительно талантливый человек, помимо того, что она обладает совершенно уникальным голосом, ей еще в молодости приходилось и у станка стоять. Так что она говорит: "Отойди, я лучше сама". А с машиной! Я сколько лет вожу машину, но если что-нибудь случается, выхожу на дорогу беспомощный и голосую. И, слава Богу, узнают и помогают.

Как вы думаете, за что Лидия Алексеевна вас ценит?

— Не знаю, просто не знаю... Как она умеет терпеть! У меня характер взрывной. Я не успеваю подумать, как меня уже всего вскипятило. Буינו вскипятило! На несправедливость, на непорядочность, на недисциплинированность. Может, оттого, что я всю войну прошел в строю. И целый год после войны меня не отпускали, хотели сделать генералом, в академию послать. Спасибо Александру Петровичу Довженко — написал ходатайство, чтобы меня демобилизовали.

А вы за что цените супругу?

— Наверное, за то, что она умеет терпеть и умеет молчать. Сейчас этого не бывает. А раньше, когда я приходил с дружеской попойки нетрезвый, никогда мне ничего не говорила. Только на следующее утро или через день: "Ну зачем же ты так? Как ты был ужасен". И я страдаю невыносимо. Мне стыдно. Слава Богу, не потерял еще чувство стыда.

Евгений Семенович, я знаю, что вы постоянно читаете во всех газетах гороскопы, сравниваете. Неужели верите?

— Наверное, что-то есть. Мне неудобно даже рассказывать, но я много лет считал номер на машинах. Если выехал и не попался из трех машин две с моим любимым числом "13", мне плохо. Но я научился комбинировать, так что выхожу из положения. Например, в Америке часто в отелях нет тринадцатого этажа. Но когда я жил на 12-м или 14-м этажах, я всегда считал, что это 13-й. (Пауза.)

Вставка. По существу я одинокий человек... И очень страдаю, что людей от себя отторгаю зачастую. Потом думаю: почему я потерял этого человека, чем его обидел? А может, даже интонацией. Я ну совершенно не умею скрывать свои чувства. Сколько раз мне говорили в съемочной группе, в институте, когда я работал, и педагоги, и студенты: "Не кричите

на нас". Я захожусь. И поделаться ничего не могу. Только вроде хотел сдержаться, а уже у меня вылетело — и уже я отторг человека.

Как вы считаете, все-таки больше людей, которые вас любят или ненавидят?

— Ну, если говорить о зрителях, то почти всегда, когда я выхожу на сцену, зал встает. Значит, я им даю положительный ток? А вот люди, с которыми я близко общаюсь, обижаются. Может, они хотят от меня большего чего-то... Меня отдавали под трибунал во время войны за то, что я генералу сказал, что он дурак. Потому что он унижал подчиненных, унижал моего начальника, и я не выдержал. Но когда я вошел в офицерскую столовую — уже пролетело по всем частям и гарнизонам, что Матвеева отдали под трибунал, — офицеры (их было человек пятьдесят) все встали. Значит, это было что-то положительное, иначе бы они отвернулись от меня.

В свое время мне предлагали стать директором Малого театра, театра Моссовета, возглавить "Мосфильм". Он говорит: "Милый мой, вот у меня вчера был Лютяну, мне хотелось его графином стукнуть по голове. Я же не стукнул". Я говорю: "Вот потому вы и сидите в этом кресле, а я бы на вашем месте уже сидел где-нибудь за Магаданом". От имени Бориса Николаевича Ельцина мне предлагали быть президентом Московского фонда культуры. И я тоже сказал, что не могу, потому что знаю цену тем, кто меня окружает, и не могу не сказать, кто сколько стоит.

Вы являетесь почетным членом многих клубов, фондов. Что вам дороже — неформальное признание или государственные награды?

— Я сам перед собой горжусь, что ни разу не изменил себе, своему мироощущению, своему взгляду на искусство, пережив две эпохи — советскую и постсоветскую. Я получал награды и при советской эпохе, и сейчас. Но другим не стал, думаю и чувствую так же. И никто меня не собьет. Другое дело, не все говорил, потому что не мог говорить и не хотел быть распятым на кресте. В Малом театре был такой режиссер Борис Иванович Равенских. Когда он делал спектакли, пресса, горком, Министерство культуры — все наваливались на него. Так он однажды мне сказал: "Ты сделал в фильме такое, чтобы все набросились. А тебе самому это не надо, и ты долго сопротивлялся. А потом сделал вид, что с муками отдал". И я все это прошел.

Евгений МАТВЕЕВ:
"Я женщину хочу поставить чуть-чуть повыше уровня земли"

Так вот о наградах. Мне приятны награды. Государственные или неофициальные, их очень трудно разделить.

Во всех фондах и неформальных объединениях вы действительно что-то делаете?

— Ой, да я уже даже начинаю забывать, в каком я фонде состою. Но им только надо, чтобы подписал письмо там какое-то. Коллективные письма стараюсь не подписывать. И на своих творческих вечерах все время каюсь, что подписал письмо против Андрея Сахарова. А я про него ни черта не знал. Мне позвонили, сказали, что все осудили — писатели, композиторы, кинематографисты. Я отказался: как подписывать, если ничего не читал, что Сахаров написал. Ну ладно, говорят, нет так нет. Через 15 минут звонок. Из ЦК. Знакомая фамилия. "Евгений Семенович, ты что, подписывать не хочешь? Ты что, Центральному Комитету не доверяешь?" Ну, знаете, такой вопрос бьет по сознанию. Меня всего колотило. Я спрашиваю: "А кто подписал?" Когда он перечислил, я ахнул. Мне честь оказывается — стоять в ряду таких-то. И подписал. А теперь мучаюсь. Сподличал.

Ну, это по незнанию. Незнание — разве грех?

— Да, наверное, да. Но не мог я знать. Вот, допустим, я рос в то время, когда не только Бога не было, но и про Достоевского не знали, Куприна, Есенина, Шалапина. Я взрослым только понял, как я недообразован. Я виноват? Но так воспитывали... Теперь Евангелие по ночам читаю.

А что, по-вашему, есть грех?

— Грех унижать достоинство человека. При чем наш народ унижает мы сами, создавая произведения, которые унижают достоинство.

Например?

— Ну, недавно я видел картину. Если моя трилогия называется "Любить по-русски", то это как бы "секс по-русски". В течение картины пять или шесть раз — половой акт, и все в экстремальных условиях. Вот это грех.

Matveev Evgeniy

02.04.01